

Денис Коваленко

Денис
Давыдов

Денис Леонидович Коваленко

Денис Давыдов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70318705

SelfPub; 2024

Аннотация

История эта о герое Отечественной войны 1812 года, создателе первого партизанского отряда Денисе Васильевиче Давыдове. Так как история эта отчасти вымышленная, то и рассказана она вымышленным персонажем – пятидесятилетним стариком, что рассказал своему внуку о своей доблестной службе адъютантом у славного Дениса Васильевича. Рассказ больше и рассчитан на школьников и подростков.

Содержание

Денис Коваленко

Денис Давыдов

Партиза́н: впервые в знач. «сторонник», при Петре I; Через нем. Partisan, также «приверженец», XVII в. или из франц. partisan от ит. partigiano «приверженец».

этимологический словарь Макса Фасмера

И мчится тайною тропой

Воспрянувший с долины битвы

Наездников веселый рой

На отдаленные ловитвы¹.

Как стая алчущих волков,

Они долинами витают:

То внемлют шороху, то вновь

Безмолвно рыскать продолжают.

«Партизан» Денис Давыдов

Глава 1

Дедовская сабля

Нет, удержаться было решительно невозможно. Сабля висела на стене так, точно требовала: Давай! Сними меня со стены! Вынь клинок из ножен! И он такого тебе расскажет! Столько историй! Столько он попортил французской крови,

¹ Ловитва (цсл., греч. θήρα) – охотничья добыча

что наберется целое озеро! – вот он, какой этот клинок!

– Да, – мальчик уже и саблю со стены снял и клинок наполовину достал, когда услышал за спиной это знакомое дедовское «да».

– Деда, – сабля была немедленно возвращена на стену, – я не специально. Она точно заколдованная. Точно сама меня попросила.

– Она такая, – без грозности, с привычной отеческой любовью, дед подошел к стене, сам снял саблю, – она может. Ее же мне сам Денис Васильевич Давыдов подарил, в день моего вступления в его славный партизанский отряд. А мне тогда было... 15 годков.

– Деда расскажи. Я еще хочу послушать, как ты бил французов и славно сражался плечом к плечу с самим Денисом Давыдовым.

– Еще раз рассказать? – «деда» высокий, крепкий пятидесятилетний старик, сел в резное кресло, внук, зная дедову привычку без хорошей трубочки рассказа не начинать, немедленно взял лежавшую на подставке длинную кривую трубочку. Усердно набив ее пахучим табачком, протянул трубку деду, спички, и уселся на ковре у самых дедовых ног, пока тот, попыхивая, раскуривал свою длинную украшенную резьбой и рисунками трубку.

Когда приятный густой дым окутал и самого деда и комнату, старик покрутил свои длинные гусарские седые усы, сначала один, затем другой – всё должно было быть степен-

но и серьезно, и в который уж раз стал рассказывать внуку о своем знакомстве с легендарным командиром партизанского отряда Денисом Васильевичем.

– Отец мой был управляющим у семейства Давыдовых, а семейство их обитало в самой деревне Бородино – оно и было родовым гнездом Дениса Васильевича. И над этим гнездом и сгустились самые черные французские тучи. Именно там случилось самое великое сражение, которое все знают, как Бородинская битва...

Глава 2

Создание партизанского отряда

Давыдов по форме, как и следует адъютанту, подошел к князю Багратиону и вручил ему письмо. В письме было следующее:

«Ваше сиятельство! Вам известно, что я, оставя место адъютанта вашего, столь лестное для моего самолюбия, вступая в гусарский полк, имел предметом партизанскую службу и по силам лет моих, и по опытности, и, если смею сказать, по отваге моей... Вы мой единственный благодетель; позвольте мне предстать к вам для объяснений моих намерений; если они будут вам угодны, употребите меня по желанию моему и будьте надежны, что тот, который носит звание адъютанта Багратиона пять лет сряду, тот поддержит честь сию со всею ревностью, какой бедственное положение любезного нашего отечества требует...»

Князь Петр Иванович Багратион, статный красавец грузин, в отцы годившийся молодому своему адъютанту, свысока (потому как буквально на голову был выше своего адъютанта) смотрел на коренастого лихого Давыдова, как благородный лев смотрит на нетерпеливого котенка, что так и ждет, когда этот зверь с ним поиграет. Князь любил этого рубаку, весельчака и острого на перо поэта (а Денис Васильевич ко всем своим талантам военачальника, по праву считался известнейшим поэтом, и очень бойким поэтом). Багратион замечательно помнил (и не один Багратион) шутки подполковника Ахтырского гусарского полка, кем до адъютантства служил Денис Давыдов.

– Так ты, Денис, – по-простому без отчества и регалий произнес князь, – считаешь, что враг уже на носу? – и долго без улыбки посмотрел в веселые гусарские глаза. Багратион запомнил, как Давыдов шутил по поводу его большого грузинского носа.

– Так точно, ваше сиятельство! – немедля вытянувшись во фронт и запрокинув голову, чтобы смотреть князю прямо в глаза, отвечал Давыдов. – И его немедля нужно щелчком сбить с этого носа! Да побольнее!

– А на чьем он носу? – и еще более пристальный взгляд. – Если на моем, то можно еще отобедать. А если на твоём, Денис, то по коням! – пуговичный носик Давыдова и, правда, был не чета носу своего начальника.

– Уж не сомневайтесь, князь Петр Иванович – на самом

моем! – немедля, без конфуза, отвечал находчивый Давыдов. – Самое время по коням, и такого щелчка дать французам, чтоб он до самого Парижу – кувырком!

Разговор этот был накануне Бородинской битвы. И все, и, конечно, Багратион понимал важность летучих конных отрядов, что щелкали бы французов по всем его бокам, не давая тому и минуты передышки.

Давыдов давно и настойчиво объяснял важность этих летучих неуловимых отрядов, которые он называл «партизанскими». Ни одного крупного сражения не осмелилась дать русская армия Наполеону, одни лишь мелкие стычки. Впереди Бородино, что будет потом одному Богу известно. Но действовать нужно немедля. Француз жжет русские деревни, терроризирует русский народ. Его давно русский мужик прозвал ни больше не меньше, как Антихристом. И нужно показать этому корсиканцу², что Россия это не разнеженная Европа, что склонялась перед одним видом новоявленного императора Франции, Россия не станет после удачного французского выпада и точного укола, благородно признавать свое поражение, вкладывать шпагу в ножны и становиться перед признанным фехтовальщиком на колени. А возьмет хорошую такую дубину и огреет этого бретёра³, и добавит для верности, пока тот в себя приходит.

² Наполеон по крови корсиканец

³ бретёр – заядлый, «профессиональный» дуэлянт, готовый драться на дуэли по любому, даже самому ничтожному поводу

– Выбирай себе своих партизан, – был ответ князя. – Даю тебе полсотни гусар и восемьдесят казаков. Можешь отобрать лично каждого.

– Слушаюсь ваше сиятельство! – Давыдов отдал честь и, не теряя времени, приступил к отбору людей в свой летучий отряд. Здесь нужны были ловкие, смелые, и от души отчаянные; именно таких и отобрал в свой отряд молодой двадцативосьмилетний подполковник.

– Денис Васильевич! – перед Давыдовым, когда он входил, может быть, в последний раз, на крыльцо своего родового дома, вырос сын его управляющего, Андрюшка, пятнадцатилетний шустрый сорванец, не раз получавший от отца хорошей розги⁴ за свою особую шустрость. – Возьмите меня в свой отряд. Своим адъютантам. Вы меня знаете! Я же такой...

– Как не знать! – остановившись, отвечал Давыдов, – как ты барскую свинью оседлал и загнал ее до пены, что бедная свинка этим же вечером у повара оказалась, а тебя в сарае отец выпорол.

– Возьмите! – заверял Андрюшка, худой жилистый, и на вид такой отчаянный, что видно, готов был не одну свинью в галопе загнать. – Не пожалеете! А иначе сбегу. Как я от папеньки и маменьки сбежал, когда они сейчас в Москву со всем именем уехали. А я сбежал!

⁴ Рóзга – орудие для осуществления телесного наказания – порки. Представляет собой тонкий и гибкий прут

Давыдов с прищуром и долго, как недавно еще на него самого смотрел Багратион, смотрел на лихую чернявую физиономию сына своего управляющего.

– И что деда, взял тебя Денис Васильевич? – замерев сердцем, внук глядел на своего, всё молодевшего от воспоминаний деда.

– А как же! – отвечал дед. – Он так и сказал. – А чего, говорит, раз ты такой колобок, и от папеньки ушел и от маменьки ушел, и от меня уйдешь?

– От вас, Денис Васильевич, – говорю ему, – никуда по вашему приказу, – вот так и оказался я в адъютантах у самого Дениса Давыдова.

Глава 3

Эскадрон гусар летучих

Верные друзья-гусары по Ахтырскому полку и лучшие казаки оказались в этот же вечер в летучем партизанском эскадроне.

Уже на утро они показали себя в бою за Шевардинский редут⁵. На этот бой Давыдов не решился взять с собой Андриюшку, понимая, что убьют мальчика в первую минуту и пропадет добрая душа ни за что не про что. Третью своего отряда потерял Давыдов в этом бою – кровавой прелюдии Бородинского сражения.

⁵ первое сражение данное русскими отрядами наполеоновской армии накануне Бородинского сражения

– Тогда меня хитрый Давыдов отправил с поручением к самому фельдмаршалу Кутузову, чтобы я доложил главнокомандующему о создании нашего летучего эскадрона.

А вот когда я вернулся к вечеру... Кутузов тоже хитрый лис, до самого конца сражения удерживал меня подле себя, придумывая мне всякие пустые поручения. Но когда на следующий день, я вернулся в отряд, а точнее, нашел его и догнал, потому как Денис Васильевич, верно, решил, что Кутузов не отпустит такого малого мальчишку, каким меня тогда считали; вот тут и начались мои настоящие приключения, о каких я и во сне не мог мечтать.

Сразу после Шевардино, отряд Давыдова (к слову сказать, пополнившийся драгунами и казаками, которых с Богом отпустили их командиры под начало славного подполковника) отделился от армии Кутузова и направился щелкать французские бока по самым его тылам. Со своим родным Бородино Давыдов заранее попрощался, понимая, что если и вернется он из своего похода, то вернется на пепелище. Но не за одно свое Бородино выступил он против французов, за всю Россию вышел его отряд. И ответит враг, и заплатит по всем счетам, и за Бородино, и за Смоленск и за Москву, и за сотни сел и деревень ограбленных им и сожженных.

Первый бой прошел без Андрюшки. В этом бою отряд, обойдя тылы наполеоновской армии, уничтожил один из обозов, что спокойно шел по освещенной солнцем лесной

дороге, уверенный, что идет по покоренной спокойной земле. Тогда партизаны сожгли весь фураж вместе с телегами, перебили сотню солдат охранения и исчезли, точно их и не было.

Но до этого боя с отрядом случился досадный конфуз⁶, заставивший партизан сменить свою военную форму на крестьянские армяки, и свои благородно выбритые подбородки перестать брить, а отпустить бороды. И, главное, забыть, между собою говорить по-французски, что было не так-то просто для дворян, что с малых лет жили с французами-губернерами и получали затрещины от маменек и папенек, если они говорили на языке своих дворовых друзей-мальчишек. Но пришлось вспомнить не только язык дворовых мальчишек, но и крепкое мужицкое слово, которое не то, что печатно, вслух произнести благородному человеку совестно.

А конфуз, случился вот какой.

В первую же ночь после Бородино, когда армия Кутузова тайно отступала к Москве, а Наполеон ждал рассвета, чтобы продолжить эту незавершенную баталию, эскадрон Давыдова, лесными дорогами неспешно продвигался в тыл к французам в поисках отдельных наполеоновских отрядов и обозов, каких достаточно было в тылу.

Давыдов на своем коне шел первым, за ним его верные гусары, за гусарами, чуть поодаль, шли казаки. Впереди пока-

⁶ Конфуз, -а, м. (разг.). Состояние смущения, неловкости; неловкое и смешное положение, – сл. Ожегова

зались огни деревни. Кто там сейчас в этой деревни – наши или французы понять было невозможно, потому в деревню решили войти не дорогой, а лесом, по всем правилам разведки.

– Денис Васильевич, – привычно по-французски говорил один из гусар-офицеров, – коней оставим на казачков, и пойдем пешими.

– Да, отправь кого-нибудь к казачкам, пусть они за лошадьми присмотрят, – так же по-французски отвечал Давыдов. Он уже спрыгнул с коня, когда из темноты получил хороший удар дубиной по спине. – Твою же... – застонав от боли, Давыдов повалился на землю. Крики, вопли, удары, точно какая-то лесная нечисть разом набросилась на опешивших от неожиданности гусар. Сабли не успели достать, разом вспомнив деревенское детство, офицеры кулаками и ногами отбивались от нападавших. Бой был недолгим.

– Вы на кого дубины подняли! Дурни неумытые! Да я ж тебя твоя морда, я ж тебя! – один из гусар, высокий широкоплечий, одной рукой ухватил дубину, которая готова была обрушиться ему на голову, другой за бороду нападавшего.

– Ой, барин, больно! – завыл мужик, выронив дубину.

– На своих нападать? Французу продались? – ревели в благородной злобе гусары, не забывая раздавать нападавшим увесистые удары своими офицерскими кулаками.

– Братцы! – пронеслось среди нападавших, – так это ж наши! Свои!

Когда глаза привыкли к темноте, тогда все, и гусары и мужики, ясно увидели друг друга...

– Вы ошалели? – еще не остыв от драки, ревели гусары.

– Так мы ж думали, что вы ханцузы! – отвечали мужики. – Вон и форма у вас, и говорите как ханцузы.

Из-за тучки показалась луна. Она осветила место этого внезапного побоища. С десятков худых невысоких мужичков стояли, опустив колы и дубины. У некоторых были топоры и вилы.

Стали осматриваться, кто как ранен. Слава Богу, одни синяки да ссадины, да в кровь разбитые физиономии, что у мужичков, что у гусар.

– Хорошо, до топоров и вил дело не дошло, – осматривали себя гусары.

– Хорошо, вы по матери заговорили, – отвечали мужики, – а то бы непременно дошло.

Давыдова осторожно подняли и положили, прислонив к дереву. Удар был настолько силен, что Давыдов еще с трудом дышал.

– Хорошую вы нам науку дали мужички, – только и произнес он чуть слышно, с болью выдыхая каждое слово. – Научили уму разуму.

Когда уже подросли донцы, услышавшие драку, тут уж совсем всё прояснилось. Несколько донцов не удержались и отхлестали ближайших мужиков ногайками, за своего подполковника, мужики в привычной терпеливости, вынесли

это заслуженное наказание – как-никак чуть своих дворян не поубивали, да и с донцами шутить было себе дороже, уж лучше пусть отхлестают.

По дороге в деревню мужички признались, что отряд попал в засаду устроенную ими на французов.

Спасло гусар их военное умение и скоротечность самого боя, и что у мужиков не было оружия, а в большинстве колья да дубины.

Уже в деревне Давыдовым был отдан приказ всем гусарам переодеться в мужицкие армяки⁷, и отпускать бороды. И ни слова по-французски!

Наутро летучий отряд, переодетый в мужиков, с еще не окрепшим командиром, покинул деревню, этим же днем уничтожив свой первый обоз с французским фуражом.

Там-то их и нагнал Андрюшка.

– Я как чувствовал, куда идет отряд, – продолжал дед, раскуривая вторую трубочку, и поглядывая на восхищенного внука, тот сидел на ковре, замерев и даже рот открыв от восхищения. – А когда в деревню попал, когда услышал от мальчишек, что было ночью, так сам возмутился, что... Но, кто ж знал. Мне, как адъютанту, мальчишки с радостью обменяли драный армяк на мой новый кафтан и кожаную куртку.

Когда же увидел сожженные телеги и убитых французов,

⁷ Армяк – в старину у крестьян: кафтан из толстого сукна – сл. Ожегова

сразу понял, что наших это рук дело. И точно чутьем понимая, где сейчас мой отряд, нашел его в верстах двух от дороги, на поляне, в лесу.

И вот с этого момента, внучок, и началась моя настоящая служба. Дня не было, ночи не проходило, чтобы мы не находили французов и не били их. Двух недель не прошло, а три сотни насчитывал уже наш летучий отряд – считай два полноценных эскадрона. Кто только к нам не примыкал: и солдаты, кто по ранению оставался в какой-нибудь деревне, и даже сами мужички. Но Денис Васильевич, кого попало, в отряд не принимал. Если мужик хотел вступить к нам, ловким должен быть наездником и отчаянным парнем, тогда ему и коня давали и пику. Потому как сабля она в неумелых руках как дура – и хозяина поранить может, а пика для мужика оружие привычное – всё равно те же вилы.

И до того мы разозлили французов, что сам Наполеон объявил Дениса Васильевича своим личным врагом и отрядил на его поимку две тысячи отборных своих кирасиров. А пока кирасиры искали нас, Денис Васильевич разгромил пехотный батальон, захватил пушки, уничтожил провиантский и артиллерийский обозы, освободил из плена четыре сотни наших солдат и две с половиной сотни принял в отряд. В этом бою я впервые и попробовал свою саблю, – да-да, внучок, эту самую саблю. Впервые она врубилась во французский мундир, и я впервые почувствовал, что это такое – когда клинок врежется в тело, – на время старик замолчал, за-

думчиво попыхивая трубочкой, вспоминая ту далекую осень 1812-го года.

– Деда, – внук не выдержал, – а дальше-то что? Что дальше было?

Глава 4

Бой под Ляховом

Такие успехи убедили фельдмаршала Кутузова в необходимости и правильности партизанской войны. Самому Давыдову регулярно присылалось подкрепление, попутно же создавались новые летучие отряды, возглавляемые не менее отчаянными и умелыми командирами – генералом Александром Никитичем Сеславиным и подполковником Александром Самойловичем Фигнером. И за поимку каждого, как и за поимку Давыдова, Наполеон обещал награду. До того внезапно и болезненно щелкали по французским тыловым бочкам эти бесстрашные командиры первых русских партизанских отрядов.

Но пришел день, когда все трое – и Давыдов, и Сеславин, и Фигнер, бывшие французов по одиночке, сошлись вместе, чтобы едино выступить против бригады генерала Жан-Пьера Ожеро, что расположил свой лагерь в селе Ляхово.

Разведав положение и количество французов, командиры посчитали нападение слишком отчаянным (в общей сложности все три партизанских отряда могли выставить против двух с половиной тысяч французов – к слову, свежие, только

прибывшие из Франции силы – всего тысяча триста сабель). Решено было призвать на помощь графа Василия Васильевича Орлова-Денисова, у которого под началом было две тысячи сабель казаков и драгун.

В таком соотношении бой можно было начинать.

Разведка проведена, партизанские отряды заняли свои места. Ждали команды. На общем совете было решено: первым вступает в бой отряд Дениса Давыдова. Остальные, плотным кольцом сдерживают врага и сжимают его к центру села – как сжимает огонь высушенное поле ржи.

– Денис Васильевич, – Андрюшка радостный встал во фронт перед своим обожаемым командиром.

Давыдов потянулся, зевнул, настроение у него было замечательное – перед боем он всегда так себя чувствовал.

– Что Андрюшка? Чего так сияешь?

– Наши казачки французов привели.

– Да ты что? – усмехнулся Давыдов. – И много?

– Две души! – всё стоя во фронт, отвечал Андрюшка.

– Вот сейчас мы их, Андрюшка, исповедуем, облегчим их души. Да, сорванец? – и потрепал довольного паренька за волосы, – вольно солдат. – Андрюшка, развернувшись, побежал навстречу донцам, что весело перекидываясь шутками, вели к командиру двух связанных одеревенелых от страха французских солдат, что так беспечно вышли по нужде и так бесцеремонно схвачены этими ужасными казаками, о

которых они столько слышали и ни разу не видели.

Случилось это в ночь с 26 на 27 октября⁸, уже после военного совета, что держали командиры, договариваясь о нападении. Давыдов таким был человеком, что еще одна разведка лишней не будет.

Ловкие донцы, что были посланы в разведку, когда подошли к селу, ясно увидели, что даже боевого охранения не выставлено. Село храпело и пыхтело, точно оно находилось под Парижем, а не под Смоленском, – две с половиной тысячи французов беспечно спали. Жан-Пьера Ожеро не знавший еще русских сабель и штыков, только прибывший со своей бригадой из Франции, до того был уверен в своих силах, что не приказал ни охрану выставить, ни разведку местности провести. Французы, прибывшие на помощь своему императору, знавшие, что Москва пала, даже сторела, шли уверенные, что идут на помощь за одним – помочь своим соплеменникам вывозить из Московии ее несметные богатства. О каких боях и сражениях речь? Бородино москвиты проиграли, Москву сдали, сами прячутся по своим дремучим лесам. Наполеон отступает? Нет, он выходит из Московии победителем! Так что и сам Ожеро и его офицеры, и солдаты спали как младенцы.

Такой беспечностью грех было не воспользоваться.

– Ну что, орлы, повеселились? – приветствовал Давыдов своих казачков.

⁸ 7–8 ноября по новому стилю

– Еще как повеселились, Денис Васильевич! – отвечали казачки, – вон каких птиц тебе привели, – в пленных французках и правда было что-то птичье: сами худые, сутулые, носы длинные, глаза навывкат – а от страха так совсем, казалось, сейчас выскочат – и смех и грех было смотреть на этих покорителей Европы.

– Ну что господа, – по-французски обратился к ним Давыдов, и удивительно было слышать французам родную речь от этого страшного бородатого, одетого в крестьянский тулуп и шапку, маленького человечка с пронзительно-любопытным взглядом больших карих глаз. – Братцы, да развяжите вы их, не улетят же они, – глянул Давыдов на казачков. Пленным развязали руки, вытащили кляпы из ртов. Потирая руки, смирившись с судьбой, пленные только и могли, что смотреть в землю, боясь глаз поднять, что на самого Давыдова, что на казаков, таких же бородатых и страшных.

– Рассказывайте, – просто, без лишних слов, Давыдов сказал это пленным.

Французы оказались крайне сообразительными и понятливыми пленными. Не заставляя своих мучителей задавать лишних вопросов, они наперебой рассказали всё, что знали. А знали они следующее. Их генерал привел их в это село для постоя. Приказ – стоять здесь, и если подойдут русские войска, отбить и пленить русских, пока доблестная армия их императора продолжает свой победный путь из России в Европу. Словом, задача была предельно проста – при-

крыть тыл с юга наполеоновской армии, возвращающейся с победой домой. Всего в бригаде более двух тысяч штыков пехоты и несколько сотен конницы. Так как русские разбиты и неизвестно где, то их генерал сейчас, скорее всего, играет в карты или спит. Как спят и все доблестные французские солдаты.

– Замечательно, – только и ответил Давыдов. – Вяжите этих птиц обратно, и в телегу, пусть спят до утра, – сказал Давыдов казачкам.

– Ну что братцы, пустим красного петуха этим лягушатникам? Приказ – всем казакам спешится. Выступаем через час.

К этому времени Ляхово было взято в плотное кольцо. Орлов-Денисов с пушками, драгунами и казаками, встал на правом фланге, держа под наблюдением дорогу из Ляхово в Долгомостье. Фигнер – в резерве. Давыдов со своими казаками и гусарами встал с севера у реки Свиная, частью сил закрыв дорогу из Ляхово в Язвино. Сеславин со своим отрядом и с четырьмя пушками – по правую руку от Давыдова, закрыв французам путь на запад.

Тот самый случай, когда и мышь не смогла бы выскочить незамеченной.

Первым, как и было решено на совете, с северной стороны вошел в село отряд Давыдова. Тихо пять сотен казаков разошлись по пустым дворам окраины Ляхово. Казачки окружили с десяток крайних изб, и без затей подожгли их – пустили,

что называется, красного петуха.

Андрюшка, как адъютант, был подле своего командира. Дома, подожженные умелыми казачьими руками, занялись огнем скоро и со всех сторон. Зрелище для мальчишеских глаз и восхитительное и страшное. Одновременно целая улица запылала, как стога в ночном поле. А вокруг пылающих домов – казачки с пиками, саблями и ружьями.

– Подожди, рано еще, – удержал командир, готового броситься в бой своего адъютанта, когда в красном свете огня черные силуэты казаков кололи и рубили такие же черные силуэты выскакивающих из горящих изб французов. – Это только присказка, вот когда сказка начнется, тогда и наше время, – пристально вглядываясь в этот кровавый театр теней, произнес Давыдов.

Сказка не заставила себя ждать: из соседних изб и по улицам к казакам бежали проснувшиеся французы.

– А вот теперь самая сказка и началась. В атаку! – приказ, и сотня бородатых в крестьянских полушубках гусар, во главе со своим подполковником, вознеся сабли, пустили коней рысью под горочку по дороге в село. И смешались на улицах Ляхова люди и кони. Освещенные жарким пламенем красно-оранжевые бородатые лица казались особо свирепыми. В отблесках огня блестящие клинки врубались в точно такие же отражаемые в огне французские лица и сорочки. Всё в этом яростном пламене горевших изб стало красно-оранжевым на свету и черным в тенях. Не стало других цветов – в

черно-красный окрасилась улица: и деревья, и кони, и люди. И всё мерцало в огне и боли, кричало, хрустело и ржало.

Французы сломались быстро – получаса не прошло. Сотни в отблесках красно-оранжевых сорочек, показав спины, бросились в спасительную темноту – вглубь села, вернув на мгновение свой белый цвет и став серыми, растворившись в ночной гроыхающей темноте. Нет, не спасение принесла темнота. Со всех концов окруженного Ляхово били пушки и ружья, и не было выхода. Стены изб казались защитой, и французы прятались за стенами, но за какой стеной спасение, когда ядра, картечь и пули летели со всех сторон?

Давыдов дал приказ не преследовать врага – дабы не подставить своих людей под картечь своих же соратников-партизан. Его казаки и гусары, захватив эту северную окраину, собирали раненых и живых французов, собирали, как собирают погонщики разбежавшихся овец обратно в стойло. Всё, что творилось в эти минуты на остальных улицах и дворах, было понятно по взрывам, выстрелам и крикам.

– Вот так Андрюшка и надо воевать, – командир потрепал по-отечески черные вихры своего адъютанта. – Ты где шапку-то обронил?

– А француз его знает! – лихо отвечал Андрюшка. – Я как за ним погнался, а он как заяц на спину и как заверещит! Я и саблю замахнул, а потом думаю – как такого зайца рубить? Вон он, со всеми стоит, – указал Андрюшка саблей на трясущего от страха полуголового француза, что стоял вместе со

своими соплеменниками вдоль освещенной жарким огнем улицы. – Я ему кричу: вставай наполеоновская морда – и zapomни, кто в плен тебя взял – сам адъютант Дениса Давыдова!

– Ну, ты и орел! – Давыдов не выдержал и расхохотался.

И вдруг незаметно тихо стало. Смолкли пушки и ружья.

– Вот и конец баталии, – заключил Давыдов, и, вытерев саблю о полушубок, вернул в ножны.

Безвыходное положение заставило отряд Ожеро сдаться в плен. Вместе с самим генералом, в плен были взяты шестьдесят его офицеров, и полторы тысячи солдат.

– И всё это сделал ты, деда? – восхищенно произнес внук, он слушал затаив дыхание, представляя себе эту горящую деревню и своего дедушку с поднятой саблей и на коне в свете пламени горящих изб.

– Не один я. И не один наш отряд. Мы только начали эту баталию. А там ее завершили славные генералы Селавин и Орлов-Денисов, со своими казаками. А подполковник Фигнер лично подъехал к генералу Ожеро и предложил тому сдаться. А наш отряд свое дело сделал. И что удивительно, ни один из наших казаков и гусар не погиб. Вот она внучок, какая воля Божья.

Потом уже, по окончанию всей этой компании, когда Наполеона выгнали из России. Когда мы с Денисом Васильевичем на денек вернулись в наше родное разоренное Бородино,

перед нашим походом в Европу, в гости приехал Петр Андреевич Вяземский. Такой же герой и поэт, как и Денис Васильевич. Тогда, помню, сели они, откупорили шампанского бутылочку, разговорились, князя Багратиона помянули, которого по просьбе Дениса Васильевича в его родовом Бородине похоронили⁹. И всех героев знакомых своих вспомнили, кто жизнь свою положил на этом поле. Потом на гитаре пели, стихи читали (и меня за стол пригласили, что мне мальчишки очень лестно было) и Петр Андреевич, герой Бородинского сражения, прочел стихи. Я как шампанского выпил, осмелел, говорю: «Петр Андреевич, не сочтите за фамильярность, позвольте, я ваши великие вирши в альбом свой запишу (я тогда с собой альбом носил и записывал, что мне интересным виделось), а вы своей рукой автограф под ними напишите.

Вяземский немало удивился такой моей мальчишеской дерзости, но Денис Васильевич говорит ему: «Не сочти за труд, Пётр Андреевич, эта героическая морда пять лет назад у меня свинью в галопе загнал, за одно это ему Георгия повесить можно. А сколько он пережил со мною и моими гусарами, одному Богу известно. У него в альбоме и мой автограф имеется». И Вяземский расхохотался и поставил свой автограф, когда я по памяти стихи его записал. Я до сих пор храню этот альбом, – старик поднялся с кресла, подошел к

⁹ Похоронили Багратиона после смерти самого Дениса Васильевича, но просьбу Давыдова император исполнил

книжному шкафу, достал драгоценный альбом, раскрыл, нашёл страницу, и, сдерживая слезы воспоминаний, прочёл:

Партизану-поэту

Анакреон¹⁰ под дуломаном¹¹,

Поэт, рубака, весельчак!

Ты с лирой, саблей иль стаканом

Равно не попадешь впросак.

Носи любви и Марсу дани!

Со славой крепок твой союз:

В день брани – ты любитель брани!

В день мира – ты любимец муз!

Душа, двойным огнем согрета,

В тебе не может охладеть:

На Пламенной груди поэта

Георгия приятно зреть.

Дрожащая в волнении рука закрыла альбом. Старик вернулся в кресло.

– Пора спать. А завтра, я расскажу тебе, как мы с Денисом Васильевичем в Европе воевали. Два года я можно сказать с коня не слезал. Меня тогда уже по всей форме, по протекции Дениса Васильевича, приняли в гусары. Самого же Давыдова в генерал-майоры произвели. И разошлись наши дорожки, я со своим эскадронам в Россию вернулся, а Денис Васильевич и в Персии повоевал и в Польше, но уже без меня... Да,

¹⁰ Анакреон – древнегреческий поэт

¹¹ Доломан – гусарская куртка

славное было время...

24 декабря 1812 года Денису Давыдову было приказано соединиться с корпусом Дмитрия Дохтурова¹²; Давыдов и его партизаны сделали свое дело.

Вклад партизанского движения в победу над Наполеоновской армией был высоко оценен императором.

Давыдова нагадили орденом Св. Владимира 3-й степени и Св. Георгия 4-го класса.

Узнав о своем награждении, Давыдов, после перехода границы, написал Кутузову:

«Ваша светлость! Пока продолжалась Отечественная война, я считал за грех думать об ином чем, как об истреблении врагов Отечества. Ныне я за границей, то покорнейше прошу вашу светлость прислать мне Владимира 3-й степени и Георгия 4-го класса».

О самих же победах прославленного партизана в его послужном списке лишь сказано, что он командовал «партией» в окрестностях Вязьмы, Дорогобужа и Гжатска, взял в плен 3560 нижних чинов, 43 штаб- и обер-офицера и много транспортов с боеприпасами, снаряжением и продовольствием.

Вот, пожалуй, и всё. Далее европейский поход, персидский, подавление польского мятежа. В 1831 году в чине гене-

¹² Генерал от инфантерии (инфантерия – пехота), герой Отечественной войны 1812 года

рал-лейтенанта, Давыдов вышел в отставку. И провел дальнейшую свою жизнь в мире и покое, занимаясь семьей, имением, что находилось в Верхней Мазе Сызранского уезда Симбирской губернии, и, конечно, сочиняя стихи.

Утром 22 апреля¹³ 1839 года, Денис Давыдов умер от инсульта (апокалипсического удара, как тогда это называли). Умер в своем имении. Было ему 54 года. Давыдова похоронили в Москве на кладбище Новодевичьего монастыря. Жуковский так отозвался о смерти великого партизана:

И боец – сын Аполлона,
Мнил он гроб Багратиона
Проводить в Бородино, —
Той награды не дано:

Вмиг Давыдова не стало!
Сколько славных с ним пропало
Боевых преданий нам!
Как в нём друга жаль друзьям!..

¹³ 4 мая по новому стилю